

стантинопольцев преследованиями православных, и в первую очередь ссылкой папы Мартина I (649—655) и Максима Исповедника⁹². Юстиниан II (685—695 и 705—711) заслуживает порицания за свою жестокость и внешнюю политику⁹³. Не обходит Феофан стороной и императора Филиппика-Вардана (711—713), который, согласно ему, был еретиком, не заботившимся о государственном благе, расточавшим без пользы казну, мудрым и разумным лишь на словах, а не на деле⁹⁴. Даже восстановившая иконопочитание императрица Ирина (797—802) вызывает осуждение у иконопочитателя Феофана: окруженная дурными советниками честолюбивая императрица не хочет передать власть своему сыну Константину VI (780—797) и ослепляет его⁹⁵, что вызывает божий гнев, проявившийся в последовавшем за ослеплением солнечном затмении⁹⁶. Нетерпим Феофан к императору Никифору I (802—811)⁹⁷, критически отзываясь о подверженном сторонним влияниям Михаиле I Рангаве⁹⁸.

Таким образом, в «Хронографии» Феофана последовательно проводится критика византийских императоров, она не ограничивается порицанием императоров, близких по времени к периоду иконоборчества, но переносится и на времена, весьма отдаленные от эпохи создания памятника. При таком преломлении материала тенденциозность Феофана в отношении к Юстиниану I перестает быть явлением случайным, изолированным, тенденциозность компилятора влетает в систему представлений писателя, отражает оценку хронистом не только отдельного императора, как материального воплощения императорской власти, но всех византийских василевсов. И напротив, положительные характеристики Юстина I и Юстина II стоят особняком в «Хронографии»⁹⁹, выделяются на общем критическом фоне, выходят за рамки системы. Случайны ли они? Чем оправдывается появление этих характеристик? Может быть, они функциональны, но только функция, ими выполняемая, — иного свойства, нежели та, которую несет на себе критическая концепция историка: она художественная. Нагнетая недоверчивое отношение к Юстиниану I, Феофан опускает положительные характеристики василевса, подчеркивает их отсутствие тем, что сохраняет положительные характеристики других персонажей и усиливает при этом контраст восхвалением предшественника и преемника Юстиниана I. Усиливая контраст, эти две характеристики, предваряющая и заключительная, в то же время словно придают композиционную завершенность (как ни странно это звучит в применении к сочинению, повествование в котором разделено на фрагменты по формальному, хронологическому, принципу) рассказу об эпохе Юстиниана I. Осознан или неосознан этот прием — вопрос другой, и отвечать на него — в другом месте, но результат, художественный эффект, как нам кажется, именно такой. Мы

⁹² Ibid., I, 351.16—24.

⁹³ См. F. H. Tinnefeld. Op. cit., S. 58f. Ограничиваясь в этом случае выявлением такого элемента критики императора, как критика его внешней политики, Ф. Тиннефельд оставляет без внимания осуждение Феофаном репрессий Юстиниана II, и прежде всего жестокости василевса по отношению к жителям Херсона (*Theoph.*, I, 377.22—380.8).

⁹⁴ Ibid., I, 381.23—30; ср. F. H. Tinnefeld. Op. cit., S. 59f.

⁹⁵ *Theoph.*, I, 464.10—17, 472.12—18.

⁹⁶ Ibid., 472. 18—22; ср. F. H. Tinnefeld. Op. cit., S. 59f., 72f.

⁹⁷ Ibid., S. 74—78.

⁹⁸ *Theoph.*, I, 497.28—498.23; ср. F. H. Tinnefeld. Op. cit., S. 78f. Мы не ставим здесь вопроса о том, какая система ценностей лежала в основе критики Феофаном императоров, — это особая тема, и для того, чтобы исчерпать ее, необходим обстоятельный анализ материала критики императоров в «Хронографии» от Константина I до Михаила I Рангаве. Предварительно все же заметим, что мы, в отличие от Ф. Тиннефельда, склонны придавать больше значения роли идеологии (в частности представлениям об идеале императора) в критике Феофана.

⁹⁹ В таком же тоне выдержана лишь неизменно положительная характеристика Константина I. См. *Theoph.*, I, 8.16—17, 9.23, 11.33, 14.26—27, 20.12—17, 21.33—34, 24.1, 33.25 («божественнейшего и христианнейшего» государя) и Феодосия I (379—395) — см. *ibid.*, I, 66.17—20.